

**РОВЕСНИК «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»
(К 90-летию Анатолия Никулькова)**

В 1975 году в «Сибирских огнях» прошла очередная «смена караула»: Александр Иванович Смердов сдал пост главного редактора Анатолию Васильевичу Никулькову. Человек этот был для журнала «в доску» свой, им же и взращённый. Более того...

В своем девяностолетнем существовании «Сибирские огни» пережили свыше десятка главных редакторов, начиная с Емельяна Ярославского и Владимира Зазубрина, один из которых явился, по сути отцом-основателем журнала, а второй крепко поставил его на ноги. Большинство тех, кто возглавлял в разные годы «Сибирские огни», были личностями яркими, неординарными, оставившими в истории журнала свой непропадающий след. И одной из самых заметных и примечательных фигур в этом редакторском синклите стал Анатолий Васильевич Никульков.

Родился он 18 апреля 1922 года в Воронеже. Случилось это по весьма символическому совпадению менее чем через месяц после выхода первого номера «Сибирских огней». То есть фактически Анатолия Никулькова можно считать ровесником журнала, с которым впоследствии свяжет он почти всю свою творческую жизнь.

Его отец, Василий Иосифович Никульков, был видным деятелем большевистской партии. Во время Гражданской войны, командуя отрядом частей особого назначения (ЧОН), вел активную борьбу с бандитизмом в Воронежской губернии. Потом был председателем уездного комитета партии, ответственным секретарем Омского окружного комитета ВКП(б). В 1930 году Василия Иосифовича перевели в Новосибирск, и они с женой Александрой Александровной, старшей дочерью Анжеликой и младшим сыном Анатолием переехали на новое место жительства.

Александра Александровна, мать Анатолия и Анжелики, учительница по образованию и первой профессии, нашла свое место на книгоиздательском поприще. В 1934 году она возглавила вновь образованное Новосибирское книжное издательство Объединенного государственного издательства (НовосибГИЗ), ставшее впоследствии областным, и проработала на этом посту почти четверть века.

А Василия Иосифовича в 1937 году арестовали по обвинению в участии в Троцкистско-Зиновьевской террористической организации, и через год расстреляли. И ходить бы, наверное, Толе Никулькову с пугающим клеймом «врага народа», если бы к этому времени его родители не развелись. Так что, как ни парадоксально, на первый взгляд, но семейная драма помогла юноше благополучно окончить десятилетку, вступить в комсомол и избежать многих болезненных последствий, которые обычно ожидали детей репрессированных родителей. (На склоне жизни Никульков вспомнит об этом драматичном периоде своей жизни в повести «Школьники», посвященной юношам и девушкам предвоенной поры).

В 1940 году сразу после школы его призвали в армию. Служил старший сержант Никульков на Дальнем Востоке, участвовал в боях против Квантунской армии в Маньчжурии, был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

В 1946 году его демобилизовали, а по возвращении домой бывшего комсорга батальона сразу же взяли на комсомольскую работу. Полтора десятка лет отдал ей Никульков, функционируя сначала в Новосибирском горкоме ВЛКСМ, потом редактируя молодежную газету «Сталинское племя». Параллельно учился на историческом факультете Новосибирского пединститута, который заочно окончил в 1952 году.

В том же 1952-м вышла в Новосибирске первая книга Анатолия Никулькова — очерки «Пионерское лето». И она, и последовавшие за нею повести «Достойные счастья»

(1952), «Крепилину приходится отступать» (1956), «Гордая фамилия» (1959) посвящены жизни и заботам молодого поколения, которое комсомольский работник и молодежный журналист Никульков достаточно хорошо знал.

Но начиналась его литературная деятельность значительно раньше появления названных выше произведений. Дебют состоялся в 1937 году с публикации в первом номере «Сибирских огней» стихотворения «Встреча». А сам Анатолий Васильевич точкой отсчета своей профессиональной писательской работы считал появление в сборнике молодых «Первый рейс» (1950) рассказа «Армейская закалка». Заголовок говорит сам за себя, но к военной теме Никульков в дальнейшем практически не возвращался.

Ранние произведения Анатолия Никулькова литературным явлением не стали. Уже по заголовкам некоторых откликов на них можно было понять суть претензий к молодому писателю. «Жизнь и схема» — называлась одна из рецензий на повесть «Достойные счастья», «Анкеты вместо образов» — утверждала своим заголовком другая. Не более лестно оценивалась повесть «Крепилину приходится отступать» в отзывах под названиями «Дым без огня», «Неосуществленный замысел». «А где же коллектив?» — вопрошалось в одноименной рецензии, посвященной повести для детей «Гордая фамилия».

И, надо сказать, претензии критиков были в основном справедливы. Анатолий Никульков честно старался писать по правилам соцреализма, только вот художественной планке пока не хватало той высоты, которая способна преодолеть любую схему.

В начале шестидесятых комсомольская пора Анатолия Никулькова завершилась. В 1961 году его избирают ответственным секретарем Новосибирского отделения союза писателей РСФСР. Начинается жизнь активного литературного функционера. Причем не только лишь местного масштаба. Никульков участвует в работе I и II съездов писателей РСФСР, становится членом правления Союза писателей РСФСР, членом президиума правления Литфонда России...

За всем этим не забывает он творческую работу. Его перо становится все более уверенным, профессиональным. Расширяется жанровый диапазон. Помимо прозы и публицистики, он обращается к критике. В 1958 году выходит его первый сборник литературно-критических статей «Пути упорных поисков». И не последний. Появляются монографические издания «Леонид Мартынов» (1969) и «Александр Смердов» (1972), а также «Книга о поэтах» (1972). Все они посвящены сибирским поэтам и сибирской литературе. Это и в дальнейшем будет главной темой Никулькова-критика. И как критик он немало сделал для популяризации местных писателей.

Но широкую известность в шестидесятых-семидесятых годах, при всей их профессиональной добротности, принесли Анатолию Никулькову, все-таки, не литературно-критические работы.

В 1963 году журнал «Сибирские огни» опубликовал его роман «В буче». И десяти лет не прошло со времени исторического XX съезда, с трибуны которого Н.С. Хрущёв развенчивал культ Сталина с его тяжелыми последствиями. Тема оставалась для литературы и искусства очень горячей, животрепещущей. Но и одновременно пугающей. Редко кто отваживался в те годы за нее взяться. Никульков взялся. И, наверное, не мог не взяться.

В центре романа «В буче» фигура первого секретаря горкома партии. Сын бедняка, Иван Москалев уверенно шагает по служебной партийной лестнице. Но чем выше поднимается по ней, тем дальше отходит от народа и демократических принципов партийного руководства, тем сильнее перерождается. Вот суть основного конфликта романа и его идейно-художественный стержень. Глубоко драматичны образы главного героя романа и его жены Лиды Москалевой, как бы оттеняющей негативные стороны мужа. К тому же она — еще и своего рода «доверенное лицо» автора, через восприятие которого осмысливаются и комментируются многие события и поступки персонажей.

В определенной мере в романе отображена история семьи Никульковых, а прототипами четы Москалевых стали родители Анатолия Васильевича с их непростыми взаимоотношениями. В романе вообще немало автобиографичного, личного и личностного, пропущенного через сердце и восприятие очевидца тех трагических лет, каковым был сам автор. И это, несомненно, повышало к роману интерес, находило еще больший отклик в душе читателя.

Роман «В буче» получил не только читательское признание. Критика также положительно оценивала это произведение, отмечая, правда, в первую очередь его высокую гражданственность и публицистичность, исторический оптимизм¹, и ставила его в один ряд с «Открытой книгой» В. Каверина, «Горькими травами» П. Проскурина, появившимися в середине шестидесятых годов.

Со следующим романом «На планете мало оборудованной» Никулькову повезло меньше. Роман стал первым художественным произведением о Владимире Маяковском. Не обошлось в нем без просчетов, местами и весьма серьезных, что, впрочем, не мешало оставаться ему оригинальным интересным произведением. Первая книга романа была опубликована в «Сибирских огнях» в 1967 году, а вторая — в 1970-м. А вот отдельным изданием роман так и не вышел. Воспротивилось близкое окружение небезызвестной Лилии Брик и использовало все свое влияние в издательских кругах, чтобы книга о Маяковском не увидела свет.

Новосибирскую писательскую организацию Анатолий Васильевич возглавлял до 1968 года, пока не перешел в редакцию «Сибирских огней». Начинал он здесь с должности литературного консультанта. Потом заведовал отделами очерка, поэзии, прозы. А с 1972 года работал заместителем главного редактора журнала, которым был тогда Смердов. Так что появление Никулькова на посту руководителя «Сибирских огней» можно считать вполне логичным и закономерным.

Как, впрочем, и вообще его вхождение в литературную среду, которое отдает некой наследственной предопределенностью. И дело даже не в социальном статусе его родителей. Важно и то, что оба они владели пером: писали статьи в профессиональные журналы, публицистику, а главное были интеллигентами с высоким уровнем литературной культуры.

В 1975 году Анатолия Васильевича утверждают в должности главного редактора «Сибирских огней». Начинается «эпоха Никулькова» — едва ли не самый благополучный в истории журнала период.

Может показаться, что Никулькову просто повезло, что он пришел «на готовенькое». Действительно, наследство он получил хорошее. Предыдущие капитаны «Сибирских огней» — и Кожевников, и Лаврентьев, и Смердов — сделали все возможное, чтобы в послевоенные десятилетия восстановить флагман сибирской литературы, придать ему прочную остойчивость и уверенно продолжить большое литературное плавание. Однако даже самым замечательным наследством можно распорядиться по-разному: и растратить его, и, наоборот, приумножить. Никульков распорядился им как умный рачительный хозяин: бережно сохранил все ему доставшееся от предшественников (прежде всего славные традиции журнала и его курс на консолидацию лучших творческих сил Сибири) и приумножил новыми литературными богатствами.

В «эпоху Никулькова», как, наверное, никогда много появлялось свежих литературных имен. Далеко не всем удалось пройти испытание временем. Но и Михаил Черненко, и Петр Дедов, и Владимир Башунов, и Татьяна Набатникова, и Нина Садур, и Михаил Щукин, и Владимир Курносенко, и Олег Корабельников, и Николай Шамсутдинов, и Владимир Берязев, и еще целый ряд других молодых тогда дарований, для которых «Сибирские огни» времен Никулькова стали творческой колыбелью, — сегодня по-прежнему на читательском слуху.

¹ Фоменко Л. Вечно имя доброе живет. // «Звезда», 1964, №3; Яновский Н. Романы Сибири. // «Литературная Россия», 1964, 14 августа; Трушкин В. Сквозь призму времени. // «Ангара», 1965, №2.

На талантливую молодежь у Анатолия Васильевича был особый и безошибочный нюх. Никульков нередко бывал на различных совещаниях, семинарах, съездах начинающих авторов, внимательно присматривался к молодой литературной поросли. С той же миссией командировал на такие мероприятия и других сотрудников редакции. А уж на областных новосибирских семинарах молодых писателей весь творческий состав «Сибирских огней» присутствовать (либо в качестве руководителей секций, либо наблюдателей) был просто обязан. «Селекция» велась и в процессе повседневной редакционной работы.

Улов был разный. Настоящие открытия возникали не столь уж часто, как хотелось бы. Но Анатолий Васильевич искренне радовался появлению каждого сколь-нибудь интересного и самобытного прозаика, поэта, очеркиста или критика. И не просто радовался. Он поддерживал словом и делом: предоставлял страницы журнала, следил за дальнейшим развитием своих литературных «крестников». И не бросал их на произвол судьбы, защищал, если возникала необходимость.

Все это я сполна смог ощутить на себе, ибо тоже был одним из тех никульковских «крестников».

Анатолий Васильевич взял меня «на заметку» на Новосибирском областном семинаре молодых писателей в конце 1977 года, где порекомендовал мне от рецензий переходить к более крупным работам. Окрыленный, я написал свою первую статью о современной прозе «Недоросли и опекуны» и в апреле 1979 года «Сибирские огни» ее опубликовали. А месяцем раньше меня пригласили на должность редактора отдела прозы. Мне это показалось тогда настоящим чудом. Как же: известный на всю страну журнал — и я, без всякого опыта работы в литературных изданиях, едва ли не с улицы человек!

Никульков и здесь, однако, руководствовался отменным чутьем, сумев непостижимым образом разглядеть во мне редактора. Хотя, принимая на работу такого, как я, молодого и неопытного, он сильно рисковал. Конечно, как водится, был у меня сначала «испытательный срок» и все такое прочее, но пригодность к редакторской профессии определяется месяцами, а то и годами, да и не факт, что даже через длительный срок человек ты как редактор можешь состояться. Но Никульков не боялся идти на риск. Более того, как раз на молодых — авторов ли, сотрудников — и делал он ставку.

Я хорошо помню нашу первую беседу в его просторном редакторском кабинете с двойными дверями, порог которого я, робея, переступил по вызову Никулькова. Анатолий Васильевич сидел за массивным письменным столом, обтянутым зеленым сукном, спиной к настезь распахнутой балконной двери, курил сигарету и что-то писал. Было начало марта, еще не отпускали морозы, а у него дверь — настезь. И простыть не боится, подумалось тогда. Напрасно подумалось. За все последующие годы работы с ним ни разу не видел, если хозяин кабинета находился на рабочем месте, балконную дверь закрытой. Анатолий Васильевич был заядлым курильщиком, но без постоянного притока свежего воздуха не мог. Коротко глянув на меня, он жестом показал на стул, придвинутый к столу напротив него, и продолжил писать. Я видел, как выбегают из-под шариковой ручки мелкие продолговатые буквы, складывающиеся в строчки, которые, чем ниже к концу страницы, тем сильнее скашивались в правый верхний угол. Наконец главный редактор оторвался от листка бумаги и обратил свой взор на меня.

Еще на областном семинаре я имел разглядеть Никулькова. Был он сухощав, поджар, не по годам строен, остролиц. Правильные черты несколько портили великоватые «волчьи» уши. Ему подкатывало к шестидесяти, но в густой темной шевелюре, прошитой сбоку ниточкой пробора, ни одного седого волоса и намека на грядущее облысение. А вот глаза, отгороженные от внешнего мира очками в пластмассовой оправе, как мне показалось, жили отдельно от остального лица. Губы говорили, складывались в улыбку, выражали те или иные эмоции, но взгляд серых глаз при этом оставался спокойно-серьезным, холодновато-невозмутимым и каким-то отстраненным, как бы извне

наблюдающим и за собеседниками, и за окружающей обстановкой, и за самим собой. Думаю, что он не только знал об этой своей особенности, но и постоянно пользовался ею как в защитных, так и в «разведочных» целях. Хотя, впрочем, не исключено, что в таком эффекте восприятия виноваты были его очки. В редкие моменты, когда Анатолий Васильевич снимал их, глаза его становились вдруг по-детски беззащитными, усталыми и лишенными всякой загадочности.

— Значит так, Алексей Валериевич, — заговорил Никульков, — думаю, что вам надо не только публиковаться в «Сибогнях», но и работать в нашем коллективе. У вас хорошее критическое чутье, вы способны весьма точно и объективно оценивать чужие произведения, и это серьезное для редактора достоинство. Остальное со временем приложится.

— Но я никогда не работал в литературном журнале, — забормотал я, ужасно вместе с тем боясь, что после этих слов он тут же укажет мне на дверь.

— Ничего-ничего, когда-то же надо начинать, — ободрил меня Никульков. — Только вот... — замялся он, словно собирался задать не очень приятный вопрос. — Как у вас с квартирой?

С квартирой было не очень. С женой и двумя малолетними детьми мы ютились в малогабаритной однокомнатной «хрущёвке». Я не понял, зачем он об этом спрашивал, но в данный момент меня меньше всего волновали собственные жилищные условия. Я просто страшно боялся сейчас, что какая-нибудь нелепая случайность может закрыть мне путь в редакцию.

— Да ничего, нормально, — пожал я плечами, всем своим видом показывая, что для меня квартирный вопрос далеко не главный.

Анатолий Васильевич, успев изучить мое досье, явно не поверил мне, но вздохнул с облегчением. И как-то виновато сказал:

— Ну, и ладно, ну, и хорошо, что не претендуете... Все равно на ближайшее время мы свой квартирный лимит по Линтфонду исчерпали. А там поработаете, глядишь, и придумаем что-нибудь.

Забегая вперед, скажу, что о моем квартирном вопросе Анатолий Васильевич не забыл, и через пару лет, когда в Новосибирской писательской организации начались очередные жилищные подвижки, он вместе с тогдашним председателем организации Геннадием Никитовичем Падериным сильно мне помог в получении новой квартиры.

И я был отнюдь не единственным, кому Никульков, находясь на разных служебных и общественных постах, помогал в трудных жизненных ситуациях.

К чему я это рассказываю. Да хотя бы к тому, что внимание Никулькова к человеку никогда не было сиюминутным, разовым. Как руководитель весьма специфического творческого коллектива, не отделял он производственного от бытового и личного, понимая, что одно явно или не явно влияет на другое. В этой связи вспоминается история с ответственным секретарем журнала Александром Плитченко.

Александр Иванович был очень талантливым и разносторонним человеком. Поэт, прозаик, критик, публицист, драматург — он мог работать в любом жанре. Творческая плодотворность не мешала ему хорошо справляться и с обязанностями ответственного секретаря. Никульков высоко ценил Плитченко и как творческую личность, и как работника редакции. Отличительной особенностью Плитченко была его трезвенность. Когда-то и у него был алкогольный период, но он сумел «завязать» твердо держался, что, надо сказать, в коллективе с противоположной ориентацией было не так-то просто. Но однажды Александр Иванович сорвался. По каким причинам — не знаю, да и какое это имеет значение! Сорвался и пошел в разнос. Да так, что исчез, не появляясь ни дома, ни на работе. А некоторое время спустя обнаружился в трех тысячах километрах от дома, в другом городе... у первой своей любви. Не стану, опять же, вникать в мотивы этого поступка, но факт остается фактом. Назад Плитченко решил не возвращаться. Начался с ним на эту тему долгий переговорный процесс, в котором участвовали родственники,

друзья и главный редактор журнала. В итоге пришли к консенсусу, «блудный сын» вернулся. Но не в редакцию. Думаю, ему просто было стыдно смотреть всем в глаза. И в первую очередь Никулькову, который больше месяца никого не принимал на пустующее место ответственного секретаря, до последнего надеясь на возвращение Плитченко в «Сибирские огни».

Но вернемся к началу моей службы в журнале. Меня приняли и.о. редактора отдела прозы. Первым моим редакторским опытом стала работа над рукописью повести Геннадия Соловьева «Золотое дно». Вещь эту совсем недавно одобрили на последнем областном семинаре молодых, и теперь вот ее должен был доводить до ума начинающий редактор, такой же совсем недавно семинарист.

Кое-какие редакторские навыки у меня были. За плечами и журналистский опыт, и работа в научно-техническом журнале, где с русского на русский приходилось «переводить» безграмотных аспирантов и недалеко ушедших от них остепененных ученых мужей. Но художественный текст — совсем другое дело. Сложность работы с ним в том, что надо и нормы литературные соблюсти, и автору не навредить — то есть сохранить его стиль, образность, индивидуальные особенности и т.д. Но с автором у редактора то и дело возникает несогласие, начинается внутренняя полемика, так и хочется подверстать его под свое видение и понимание... И если редактор не преодолеет искушение, тогда начинается переписывание под себя авторского текста. В том и опасность. Многие редакторы, попав на этот риф, шли ко дну. И я, чего греха таить, бывал на грани катастрофы, да вовремя начинал понимать, что редактор — соавтор, но никак не вместо автора.

Я и от Никулькова это не раз слышал. Особенно когда изучал он конечный результат очередных моих редакторских стараний. Вообще-то в редакции существовала многоступенчатая система. За редактором читал завотделом, потом — ответственный секретарь, а уж главный редактор смотрел обычно весь подготовленный и собранный номер. Но поскольку я еще не был «волшебником», а только учился, то Анатолий Васильевич время от времени проверял, как продвигается моя учеба. И когда видел, что правка текста подходит к черте переписывания, ставил мне на вид.

— Искусство редактирования состоит в со-кра-ще-ни-и!.. — говорил он назидательно, для пущей убедительности разбивая по слогам последнее слово.

Я и сегодня не убежден, что только в этом, но согласен, что сокращение без ущерба для художественного текста — действительно большое искусство. Здесь необходимо отменное чувство меры. А Никульков обладал им сполна. Если первоначальный объем одобренной рукописи был велик, он клал пухлую папку себе на ладонь, как на чашечку весов, слегка покачивал ею на весу и резюмировал:

— Здесь и половины за глаза.

Или:

— Довольно плотно написано. Но все равно пару листов лишние.

И практически не ошибался. На выходе почти всегда именно столько, сколько он сказал, и оставалось. Не потому что редактор в служебном рвении специально подгонял произведение под определенный начальником размер, а просто потому, что именно этот объем в итоге и оказывался оптимальным.

Уж и не помню, сколько перелопатил я тогда рукописей начинающих и малоизвестных авторов, пока, наконец, не возмущился — доколе! Дайте хотя бы одного состоявшегося писателя! Завотделом была в отпуске, и я со своей претензией отправился прямиком к Никулькову.

— Вы думаете с ними проще? — блеснул очками Анатолий Васильевич. — Сомневаюсь. Для молодых-начинающих вы — царь, бог и воинский начальник, и последнее слово всегда за вами. А с известными-то куда труднее. Они вам в рот заглядывать не будут, самому лишний раз рот раскрыть не дадут...

Никульков и здесь оказался прав на все сто. Взявшись работать с известными авторами, я быстро понял, что хрен редьки не слаще, и с маститыми впрямь бывает порой куда труднее. За каждое рожденное ими слово они стояли насмерть. И хорошо, если лыко у них было в строку и слова лишнего, как из песни, не выкинуть. Такие мастера вызывали только бесконечное уважение. Но нередко даже и у осиянных славой писателей тексты попадались сырые, требующие серьезно доводки. Однако редко кто из них это хотел признавать. Потому и любые редакторские замечания принимались в штыки, чуть ли не как личные оскорбления, а сам редактор почитался за врага.

В таких случаях последней надеждой и спасением оставался Никульков. В его присутствии самые амбициозные и гневливые авторы, еще совсем недавно убежденные в своей неприкасаемости, быстро приходили в чувство. Под его холодновато-невозмутимым взглядом они моментально утихомиривались, сдувались, как проткнутый шарик.

— Так в чем проблема? — спрашивал Анатолий Васильевич неподражаемым своим сочным баритоном, который в зависимости от ситуации мог быть и бархатистым, и ледяным, и вкрадчиво-мягким, и властно-жестким. Во многом благодаря голосу своему Никульков и оратором слыл отменным. Слушать его выступления было одно удовольствие.

И взглядом, и голосом Никульков гипнотизировал заносчивого автора не хуже, чем удав кролика. «Неприкасаемый» тушевался, начинал заикаться, путаться в словах. Анатолий Васильевич, не сводя с него гипнотического взгляда, выслушивал, поворачивался к редактору, слушал его доводы, потом просматривал спорные места и выносил вердикт. И был он обычно не в пользу автора. Не из-за пресловутой «чести мундира». Просто Новосибирске в ту пору профессиональный уровень редакторов был вообще высок, а в «Сибирских огнях» — особенно.

За годы руководства журналом у Никулькова в кабинете перебивало множество разного творческого люда, и к каждому находил он подход. Да и вне стен редакции, в коридорах власти, прежде всего партийной, поскольку «Сибирские огни», как и любой другой советский журнал, был под контролем КПСС, Анатолий Васильевич умел отстаивать свои и вверенного ему издания позиции. При гипертрофированной тотальной бдительности брежневского застоя это было совсем непросто.

Доходило подчас до абсурда. В одном из очерков о нефтяниках Приобья цензор потребовал убрать словосочетание «разливанное море нефти», поскольку оно, мол, раскрывает, ни много ни мало, стратегические объемы добычи нефти. Ходя дураку ясно, что ничего, кроме банальной метафоры за этими словами нет. Зато в данном конкретном случае нехитрый и совершенно нейтральный образ этот прекрасно ложился в тему и был совершенно уместен. Что и попытался объяснить цензору ответственный секретарь, в обязанности которого входила работа с Отделом по охране государственных тайн в печати. Цензор, однако, уперся. Ну и плюнуть бы, помянув про себя недобрым словом глупость несусветную, да вычеркнуть фразу от греха подальше! Но тут уж уперся возмущенный Никульков. И отправился в обком, ибо только там имелась реальная возможность исправить цензорское решение.

«Крамольное» словосочетание он отстаивал. А сколько было еще отстаиваний по куда более серьезным поводам! Сколько нервов, сил и энергии для этого (и не только этого — мало ли у главного редактора других важных насущных забот) требовалось. Думаю, что не каждому такое по плечу. Но Анатолий Васильевич по натуре был бойцом. И свои бойцовские качества проявлял постоянно. Благо поводов хватало.

Бойцом был он достаточно смелым и отважным, но не безрассудным. Не из тех, «безумству храбрых» которым поэт пропел песню. Хватало Никулькову и трезвого ума, и гибкости, и дипломатичности, и, так сказать, партийного чутья, дававших возможность ему оставаться на плаву, на виду, и в авторитете, а главное помогавших успешно руководить журналом.

Смелость Никулькова проявлялась не только в решении каких-то проблем производственного процесса. Присуща была ему как руководителю журнала смелость творческая. Одна история с повестью Никиты Богословского «Интересное кино» чего стоит. Среди героев этой вещи без труда угадывались многие деятели столичного бомонда, выставленные автором в неприглядном сатирическом свете. Рукопись повести еще гуляла по редакциям московских журналов, а уже вызвала переполох. В результате, в столице ее публиковать наотрез отказались, и Богословский на авось отправил рукопись в «Сибирские огни». И здесь повесть была напечатана. Несмотря на сопротивление все того же бомонда, прознавшего о планах публикации. Московские «доброжелатели» докучали телефонными звонками и самому Никулькову, и обкомовским работникам. Приходилось объясняться и с теми, и с другими. Но повесть, несмотря ни на что, появилась на свет. И имела немалый успех. История с шукшинскими «Любавиными», первая книга которых после безуспешных попыток автора опубликовать ее в Москве благодаря Смердову смогла появиться только в «Сибирских огнях», повторилась.

Анатолий Васильевич не был безрассудным, но обострений и риска, повторюсь, не боялся. Иной раз для пользы дела сам их и провоцировал. Как получилось это с литературно-критической дискуссией, начатой статьей Владимира Шапошникова «Чтобы стать классиком» (1979), который задался вопросом, почему у нас при обилии выпускаемой литературной продукции так мало шедевров. Забойщиком стал Шапошников, но сама идея развернуть на страницах журнала острую полемику о состоянии дел в современной словесности исходила от Никулькова.

В дискуссии приняли участие критики и литературоведы из Новосибирска, Омска, Свердловска и даже Москвы. В их числе был и я со статьей «На путях в незнание», где попытался дать свой ответ на заданный Шапошниковым вопрос. Я связал появление выдающихся художественных произведений с великими историческими событиями, которые становятся их мощными катализаторами. Конечно, вряд ли тут существует жесткая зависимость, и я это понимал. Но на то она и полемика. Беря пример с Никулькова, я тоже провоцировал. Особенно раззадорились и ополчились на меня тогда ученые-филологи из Новосибирского Академгородка. А литературовед Людмила Якимова, участвовавшая в той же дискуссии, дала гневную отповедь «зарвавшемуся» полемисту Горшенину, который посягнул «на цельную концепцию советского литературоведения», обвинила его в «пренебрежении к принципу историзма» и т. д.

Не удовлетворившись печатными высказываниями в мой адрес, сотрудники Института истории, филологии и философии СО АН СССР пригласили меня на свою «площадку» для очного знакомства. И оно поздней осенью 1980 года состоялось. Поначалу, признаться, я сильно испугался. И, наверное, не поехал бы на эту встречу, если б не Анатолий Васильевич. Он не только меня успокоил, но и сам отправился со мной, прихватив в качестве «группы поддержки» Владимира Шапошникова и еще одного известного критика — Виталия Коржева. В Академгородке дискуссия продолжилась. Но здесь тон задавал уже Никульков. И, пожалуй, впервые я почувствовал здесь, какой это блестящий полемист. Не сказать, чтобы ученые коллегии сразу же изменили своим научным принципам, но выглядели они в тот вечер бледно и беспомощно. Как те же кролики перед удавом.

Рисковал Никульков и, как я сейчас понимаю, намеренно шел на обострение в другом эпизоде, связанном также с филологическими науками. В 1978 и 1980 годах в нескольких номерах «Сибирских огней» были опубликованы оригинальные исследования Геннадия Карпунина о «Слове о полку Игореве» — «По мысли древу» и «Жемчуг «Слова», или Возвращение Игоря». Они не укладывались в рамки «правовой» словистики и даже опровергали ряд ее устоявшихся положений. Публикации грозили скандалом, тем не менее, Никульков их благословил, очередной раз проявив редакторскую смелость и решительность. Большинство ученых действительно встретило эссе Карпунина в штыки. Я помню, как, в частности, громил эти работы новосибирский

профессор Одинокое. А вот Дмитрий Лихачев, называя исследования Карпунина спорными, тем не менее, поддержал их. И не ошибся. Пройдет время, и они займут достойное место в словистике, а статьи об их авторе войдут во все энциклопедии, посвященные «Слову».

Экспериментаторство, подчас даже рискованное, было у Анатолия Васильевича в крови. Будучи придумщиком сам, он и от своих подчиненных требовал выдумывать, пробовать, использовать самые разные формы работы. Поэтому наряду с традиционными «круглыми столами» по обсуждению животрепещущих проблем, или критическими дискуссиями наподобие той, о которой говорилось выше, возникали и формы более необычные. В начале 1980-х годов по инициативе Никулькова на крупнейших стройках Сибири (Нефтяное Приобье, новосибирский «Метрострой») появились так называемые «Литературные посты». Были там свои «постовые», которые обеспечивали журнал соответствующими очерково-публицистическими материалами. Насколько я знаю, ничего подобного в других «толстых» журналах до тех пор не было. И работали эти «посты» достаточно эффективно.

Но и сама редакционная жизнь заставляла и главного редактора и всех сотрудников журнала быть в поиске. Взять, например, проблему авторов. Если в прозаиках и поэтах недостатка не ощущалось, то в критике и публицистике авторский дефицит был подчас острейший. Казалось бы, ну, ладно, критики — профессия специфическая, народ штучный. А публицистика-то? В одном Новосибирске сотни журналистов. Только свистни — за большую честь почтут в уважаемом журнале отметиться! Оно, конечно, так. С одним существенным «но». При внешней схожести газетная и художественная публицистика — вещи разные. И далеко не каждому газетчику по плечу написать художественный очерк или художественно-публицистическую статью. Но как раз такие и были нужны. Таких и искали. С этой целью, помню, в стенах редакции однажды даже семинар очеркистов провели, куда приехали авторы с разных мест Сибири.

Критический раздел журнала тоже испытывал авторский голод. Но не столь острый. В Сибири, и в первую очередь в Новосибирске, к тому времени сложилась сильная критическая школа, группировавшаяся вокруг «Сибирских огней». В самой только редакции работало два профессиональных критика. По традиции охотно выступали на страницах журнала ученые. Не гнушались печататься здесь и столичные критики и литературоведы. Да и сам Никульков, уже в статусе главного редактора, продолжал достаточно регулярно выступать как автор критического раздела.

Впрочем, не он один. Но он подавал пример. И продолжал давнюю традицию «Сибирских огней» авторского участия творческих работников редакции в различных разделах журнала. Вспомним, к примеру, Вивиана Итина, публиковавшего, помимо стихов и прозу, и очерки, и рецензии. У Никулькова такого рода «многостаночниками» были практически все сотрудники. Особенно отличались ближайшие помощники Анатолия Васильевича — его заместитель Геннадий Карпунин и ответственный секретарь Александр Плитченко. В каком только качестве не выступали они на страницах своего журнала, удивляя читателей! В том числе и как мастера литературного перевода. В первую очередь с языков народов Сибири.

Русские писатели во все времена охотно обращались к творчеству и культуре малых народностей Сибири, а журнал «Сибирские огни» публикацию переводов произведений национальных авторов всегда считал своим долгом. Традицию эту Никульков продолжил. Но если его предшественник, Александр Смердов к шестидесятым годам и сам уже был корифеем сибирской переводческой школы, то Никулькову, переводами никогда не занимавшемуся, доверяться личному опыту не было возможности. Зато имелись в его распоряжении редакционные поэты (Плитченко, Романов, Карпунин, Закусина), прошедшие переводческую школу Смердова. На их талант и мастерство Анатолий Васильевич прежде всего и опирался. И не напрасно. Благодаря этим поэтам-переводчикам многие национальные авторы обрели в семидесятых-восемидесятых годах в

«Сибирских огнях» постоянную прописку. А поэтические переводы алтайских героических эпосов «Маадай-Кара» и «Очы-Бала» (А. Плитченко) и якутского героического эпоса «Могучий Дьягарыма» (А. Романов) вошли в сокровищницы национальных литератур.

Но охотно предоставляли свои страницы «Сибирские огни» и авторам зарубежным в переводах сибиряков, среди которых также были работники редакции. Переводы осуществлялись со многих иностранных языков: болгарского, польского, венгерского, монгольского, корейского, испанского, румынского, вьетнамского и даже арабского. Так что «Сибирские огни» нукульковской поры были еще и поистине интернациональным журналом.

Поддерживая повальное увлечение своих сотрудников переводами, сам Анатолий Васильевич предпочел пробовать себя совсем в другом жанре — драматургии. В 1976 году в «Сибирских огнях» публикуется его пьеса «Протоколы для будущего». Вещь довольно необычная. И по содержанию, и по форме. Пьеса рассказывает о последних днях Парижской Коммуны, в ней использованы документальные материалы. Не случайно и жанровое определение автор ей дал — «документальная пьеса». Историк, публицист, художник-драматург соединились в ней в одно целое. У пьесы была не только литературная, но и сценическая, правда, недолгая, жизнь. Занимался Никульков и переложением на сценический язык прозаических произведений. Инсценировал, в частности, роман Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку». Однако драматургические попытки Никулькова так по большому счету ими остались. Возможно, потому, что на нечто большее журнал времени не оставлял.

Тем более что хватало Анатолию Васильевичу дел и помимо журнала, поскольку лежало на его плечах множество общественных нагрузок, часто далеких от литературной деятельности: был он и депутатом разных уровней, и членом городского и областного партийных комитетов, входил в различные комиссии. Все это отвлекало, не давало полностью сосредоточиться хоть на редакционной, хоть на творческой работе, иногда, чувствовалось, и тяготило, но и без общественной деятельности, которой занимался он с юных лет, Анатолий Васильевич себя тоже не представлял. Создавалось иной раз ощущение, что он даже боится остаться вдруг на обочине активной социальной жизни. В этой связи вспоминается такой эпизодик. Однажды посреди общего редакционного застолья по поводу какого-то большого советского праздника Анатолий Васильевич вдруг поднялся и стал прощаться. Спешил на торжественное заседание, проводимое городскими и областными властями в преддверие знаменательного события.

— Анатолий Васильевич, оставайтесь! — стали мы упрашивать его. — Сдалась вам эта официальная скукота! А тут — хорошо сидим!

Сидели и правда хорошо, душевно, вот-вот должны были и песняка грянуть.

— Оставайтесь! Придете вы туда, не придете — от собрания все равно не убудет... — убеждали мы.

— Э, нет, ребята! — не согласился с последними нашими доводами Никульков. — От собрания-то, может, и не убудет, а вот от меня... Раз не появишься, второй проигнорируешь, а на третий, глядишь, и в живых перестанут числить. На естественную убыль спишут...

Не знаю, как сейчас, но четыре десятилетия назад руководить таким изданием, как журнал «Сибирские огни», было очень нелегко и непросто. И не только по цензурным, идеологическим соображениям. Здесь-то как раз было проще: главное стараться не отступать от установленных правил. Основная же сложность исходила из уникальности самого журнала как собирателя и объединителя лучших литературных и культурных сил Сибири. Правда, в послевоенные десятилетия стали появляться региональные альманахи («Енисей», «Ангара», «Огни Кузбасса», «Алтай» и др.), но изначальная, естественная, так сказать, монополия «Сибирских огней» продолжала оставаться. Тем более что альманахи, как солдаты в строю, держали на главный сибирский журнал четкое равнение. В такой

ситуации чрезвычайно важно было выдержать баланс сил и разнородных региональных и национальных интересов.

Случались и обиды. Писатели отдельных регионов упрекали журнал, что он слабо, не так, как хотелось бы, представляет их на своих страницах и язвительно называли «Сибирские огни» «Новосибирскими огнями». На что ответно обижались уже новосибирские писатели, которым, наоборот, казалось, что недостаточно печатают их. А ведь среди учредителей журнала значилась и Новосибирская писательская организация. Она постоянно напоминала об этом и требовала от главного редактора согласовывать свои действия с ее Правлением как руководящим органом. Мне до сих пор памятно начавшееся на этой почве в конце семидесятых и длившееся чуть ли не десятилетие противостояние председателя Новосибирской писательской организации Леонида Васильевича Решетникова и Никулькова. Сколько копий было сломано!..

«Сибирские огни» всегда позиционировали себя (да так по существу и было) зеркалом сибирской литературы. А потому очень важно было, чтобы зеркало не покривилось, и, с одной стороны, объективно отражало протекающий в культурном пространстве Сибири литературный процесс, являющийся, в свою очередь, органичной частью процесса общероссийского, а с другой — давало правдивую художественно-публицистическую картину жизни сибирских просторов.

Так что Никулькову приходилось быть и дальновидным стратегом, и тонким тактиком, и политиком, и дипломатом, плюс ко всему этому не забывать выдерживать нужную идеологическую линию. И это ему без видимых усилий удавалось. Его можно было сравнить с блестящим канатоходцем, непринужденно скользящим по натянутой в воздухе проволоке.

Из всей этой «эквилибристики» немудрено было забыть о главном адресате журнала — читателе. А он жил не одной лишь «высоколобой» литературой. Никульков помнил и сотрудникам своим не давал забывать. И потому достаточно регулярно появлялись на страницах «Сибирских огней» произведения «низких» по понятиям тех времен жанров: детективно-приключенческие, фантастические, сатирические. Живейший читательский интерес вызывали остросюжетные произведения Льва Квина, Исая Калашникова, Виктора Колупаева, Михаила Михеева, Николая Самохина... Были и свои настоящие открытия. К примеру, широко известный ныне мастер детективного жанра, «сибирский Сименон» Михаил Черненко. При Никулькове и с его помощью Черненко «вставал на крыло». В «Сибирских огнях» была опубликована и большая часть его многочисленных детективов¹.

Бывало, что за благожелательное отношение к развлекательной беллетристике Анатолия Васильевича и поругивали, и на вид ставили. Особенно столичные ревнители чистопородной литературы старались. Но Никульков воспринимал это почти как крыловский кот Васька, который «слушает, да ест».

Впрочем, это не значило, что он игнорировал любую критику в свой и вверенного ему печатного органа адрес. Я уж не говорю о разных внутренних редакционных планерках, производственных совещаниях, редколлегиях и т. д., где критики по разным конкретным поводам, в том числе, и в адрес лично главного редактора, звучало достаточно. Существовали «разборы полетов» и на более высоком, вне редакционном уровне. Так, в большое событие в литературной и культурной жизни превращались ежегодные обсуждения «Сибирских огней», на которые собирались писатели, критики, ученые-филологи, педагоги, представители общественности, журналисты, партийные работники, просто заинтересованные читатели из Новосибирска и других сибирских регионов.

На этих обсуждениях шел серьезный, обстоятельный, часто нелюбезный разговор о журнальных публикациях в завершившемся году, об успехах и неудачах

¹ Некоторое время Михаил Яковлевич работал редактором в отделе прозы. Когда он уходил на «вольные хлеба», я занял его место.

«Сибирских огней». Конференц-зал Новосибирской писательской организации на улице Каменской возле Центрального рынка заполнялся до отказа. Благолепием и спокойствием обсуждения не отличались. Метались критические стрелы и копья, сыпались обвинения, высказывались обиды, пожелания на будущее. Атмосфера иной раз накалялась до предела. Звучали иногда и несправедливые обвинения, но по неписаному правилу работникам редакции вступать в спор с оппонентами, мягко говоря, не рекомендовалось. Приходилось «держаться удар». Благо ориентир был перед глазами. Никульков сидел за столом президиума рядом с Решетниковым и с каменным безучастным лицом смотрел поверх голов присутствующих, время от времени записывая что-то на узкие полоски бумаги, какие использовал обычно для редакционных заключений на ту или иную рукопись. Когда все выговаривались, Анатолий Васильевич подводил итоги: благодарил присутствующих за внимание к журналу, комментировал некоторые высказывания, отвечал на возникшие по ходу дискуссии вопросы. Но — вот удивительно — делал все это ровно, спокойно, благожелательно, не позволяя себе ни малейшего раздражения, ни каких-то резких выпадов в сторону оппонентов, будто и не было позади трех часов словесной бомбардировки ушедшей в глухую оборону редакции, и словно исчез вдруг куда-то хорошо знакомый всем завзятый полемист и литературный боец Никульков.

Поначалу и его метаморфоза, и наше поведение на обсуждении казались мне странными. Однажды я даже выразил Анатолию Васильевичу по сему поводу свое недоумение:

— Они нас поливают, как хотят, а мы воды в рот набрали...

— Не забываете, что **они** в данном случае — ни кто иной, как читатели, — возразил Никульков. — А мы журнал для читателей и делаем. Поэтому и мнение их нам так важно. Оно для нас, знаете ли, — руководство к действию. А огрызаться с читателями по базарному принципу «дурак — сам дурак» — все равно, что против ветра писать. Самому же и прилетит. Так что будьте добры спокойно выслушивать и делать соответствующие выводы...

Выводы делали. После каждого обсуждения начиналась «работа над ошибками».

Ну, а обсуждения, несмотря критические громы и молнии, запоминались еще и как настоящие литературные праздники, на которых воочию можно было увидеть, какой разный люд притягивают к себе «Сибирские огни», почувствовать, каким неподдельным интересом и авторитетом пользуется журнал.

Красноречиво подтверждала это и статистика. Тираж «Сибирских огней» к середине 1980-х годов достиг 123 тысяч экземпляров при 90 тысячах подписчиков в разных уголках Советского Союза и даже за рубежом. Среди всех периферийных «толстых» журналов страны это был самый высокий результат. Немалой популярностью «Сибирские огни» пользовались в союзных республиках, особенно на Украине и в Казахстане, на долю которых приходилась почти половина подписчиков.

Я уже говорил, что Анатолий Васильевич не боялся доверять молодым. А они в его бытность главным редактором составляли подавляющее большинство сотрудников редакции. Никульков с Абрамом Китайником, заведующим отделом очерка, были старше остальных на целое поколение. Тем не менее, со всеми в редакции Анатолий Васильевич был только на «вы», безукоризненно корректен, фамильярности и панибратства не терпел. Руководителем он запомнился строгим, требовательным, но вполне демократичным, без того весьма распространенного в руководящих кругах хамского синдрома, который очень точно выражен известной народной присказкой: «Я — начальник, ты — дурак...» Не в стиле Никулькова были и мелочные придирки по поводу так называемой «трудовой дисциплины» и т. п. Работу сотрудника и его самого он оценивал прежде всего по результату.

Несмотря на то, что в стенах редакции сосуществовало два разных поколения, этого как-то не ощущалось. Возможно, и потому, что, подбирая людей, Никульков обращал внимание не только на одни лишь профессиональные качества. Тем и отличалась его

редакционная команда, что все в ней бескорыстно и преданно любили литературу, журнал и свое дело. Это была одна семья, в которой благодаря Анатолию Васильевичу сложился и поддерживался прекрасный микроклимат. Хотя, конечно, коллектив был непростой. Личности все творческие, талантливые, самобытные, со своими характерами и немалыми претензиями. Как таких привести к общему знаменателю? Но как раз тут-то и проявилось организаторское и руководящее искусство Никулькова.

Нельзя сказать, что ко всем в редакции Анатолий Васильевич относился одинаково. Да это, наверное, и невозможно. Но истинную цену каждому знал точно. Исходя из нее, и отношения свои строил.

Кому-то со стороны Никульков мог показаться застегнутым на все пуговицы холодным функционером, далеким от земной обыденности. Но впечатление было обманчиво. На самом деле Анатолий Васильевич был человеком живым, теплокровным и, как все мы, грешным. Любил застолья (и они при нем в редакции проходили довольно часто), хорошую шутку (рождавшиеся в застольях экспромты Нелли Закусина заносила в толстый еженедельник в зеленом переплете, прозванный «Зеленой книгой»), интересные разговоры под рюмку, ценил женскую красоту. Но при этом богемным человеком, конечно, он не был. Да и дистанцию в любом состоянии держал. И как со всяким живым, не оторванным от земли человеком, случались с ним иногда разные казусы.

Однажды он сделал оговорку, которой чуть не подвел себя под монастырь. Помимо того, что являлся главным редактором «Сибирских огней», Анатолий Васильевич преподавал еще и в высшей партшколе на факультете журналистики. И вот как-то по ходу лекции доценту Никулькову предстояло процитировать Ленина. Цитата была хрестоматийная, известная каждому школьнику. Сам Анатолий Васильевич произносил ее сотни раз. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха...

Следовало сказать: «Не было еще таких безвыходных положений, из которых бы не выходили большевики». Но вместо этого он вдруг выпалил: «Не было еще таких безвыходных положений, в которые не попадали бы большевики». Получилось почти, как в том театральном анекдоте про переволновавшегося актера, которому требовалось озвучить реплику «Волобуев, держите меч!», а он выдал — «Волобуев, держите...». Ну, сами понимаете, что именно... Хорошо, что времена уже были не столь суровые, как раньше, а брежневские, «застойные». Случись такое при «отце народов», мог бы Анатолий Васильевич и под фанфары загреть. А так... Студенты, конечно, повеселились, но на этом всё и закончилось, если не считать того, что с тех пор все цитаты партийных классиков доцент Никульков читал строго по бумажке.

А эту приключившуюся с ним историю Никульков сам не раз рассказывал нам в редакционных застольях. Навязал ему как-то обком партии для публикации рукопись романа одной малоталантливой, но пробойной, с большими связями и потому везде печатаемой дамы. Дама строго придерживалась партийности в литературе и правоверного соцреализма, читать ее было крайне скучно; опус, к тому же, занимал очень много места на журнальных страницах, лишая оно более интересных авторов, и потому Никульков находился в крайне расстроенных чувствах. Но с обкомом не поспоришь, да и кнут партийной дисциплины увильнуть в сторону не позволял. Рукопись отредактировали, подготовили к печати и передали на подпись главному редактору. Анатолий Васильевич, чертыхаясь, проклиная и даму и обком, поставил левом верхнем углу свой автограф, а вечером, после работы, чтобы снять стресс и заодно грех с творческой души, хорошенько расслабился тут же, в собственном кабинете, вместе с ответственным секретарем, который искренне сочувствовал страданиям шефа.

Принято на грудь было, видимо, изрядно, поскольку как он очутился в своем подъезде и почему-то возле мусоропровода, Никульков уже не помнил. Ответственного секретаря рядом не было — видно, потерялся где-то по дороге. Откинутая крышка мусоропроводного люка смрадно дышала бездной преисподней. Никульков задумчиво покачался перед темной мрачной дырой, потом достал пухлую, готовую к публикации и

подписанную им к печати рукопись бойкой дамы с железными связями, размахнулся и — а-ах! — со всей силы швырнул ее в непроглядный зев мусоропроводного колодца.

Засыпал он с чувством глубокого удовлетворения, с радостным ощущением, что сделал большое, важное и нужное дело, что совершил настоящий мужской поступок, за который не стыдно будет смотреть людям в глаза.

А утром соседи по дому с удивлением могли видеть, как уважаемый главный редактор уважаемого журнала роется в помойке, у основания мусоропроводной трубы, пытаясь что-то отыскать. На Анатолии Васильевиче не было лица; он, чуть не плача, бормотал одно и то же: «Куда же она подевалась? Кому это дерьмо, кроме меня, понадобилось?!...»

Я так и не знаю, нашел ли Никульков ту злополучную рукопись. самого конца этой истории я от него не слышал. Но всякий раз, когда Анатолий Васильевич, вспоминая этот случай, доходил до момента швыряния романа в мусоропровод, он с каким-то сладостным упоением восклицал «а-ах!», и в глазах его появлялось глубокое удовлетворение и гордость за тот свой поступок.

Во времена брежневского «застоя», в конце семидесятых, праздничные банкеты в стенах организаций были делом обычным. Вспоминается один такой в стенах Новосибирской писательской организации. Мероприятие перевалило свой зенит. Все изрядно подшофе. Некоторые — особенно. Застолье уже в том градусе, когда начинается братание, а с ним и прочувствованные лобызания, прощение всех прошлых и будущих обид.

Именно этим занимались возле раздевалки в вестибюле ближе к финишу банкета Анатолий Васильевич Никульков и живой сибирский классик Илья Михайлович Лавров. Последний только что выпустил большой роман и к славе тонкого лирика прибавил славу эпического романиста. Илья Михайлович был полным, если не сказать тучноватым, с круглым лицом сказочного улыбающегося колобка, каким его любят изображать в детских книжках. Никульков — полная ему противоположность и толщиной и чертами лица. Похожи оба только очками. Они топтались друг против друга возле раздевалки, хлопая по плечам, обнимаясь, и напоминали толстого и тонкого из одноименного чеховского рассказа. Наконец, акт братания между ними закончился, они оделись, пожелали друг другу доброй ночи и разошлись каждый в свою сторону.

А на следующее утро ни тот, ни другой не могли понять, в чем же они вернулись накануне. На Лаврове пальтишко трещало по швам и совсем не желало сходиться на животе. Никульков же полами пальто запахивался на два раза. Ну, потом, конечно, разобрались, что с пьяных глаз пальто на вешалке в писательской организации перепутали, и долго потом сей эпизод было предметом общего веселья. А Никульков по этому поводу сказал:

— Зато я побывал в шкуре классика.

В общем, ни «человеком в футляре», ни твердокаменным начальником, ни сухим функционером Анатолий Васильевич не являлся. Как говорится, ничто человеческое ему чуждо не было.

В какой-то мере из-за этого, вернее из-за очень распространенной человеческой слабости («шерше ля фам» называется) он и пострадал. Была у Анатолия Васильевича довольно длительное время интимная связь с одной из своих сотрудниц. Производственный роман, так сказать. А потом пассия Никулькова, которая, кстати говоря, была лет на двадцать его моложе, решила дать ему отставку. Не будем уточнять, что, как и почему — не наше дело! Никулькову бы тихо отойти, смириться, что точка в их романе поставлена, а он закусил удила. Слепленный любовной обидой, стал преследовать свою даму сердца, требовать «продолжения банкета». Но коса нашла на камень, и все всплыло наружу. По стране гуляла горбачевская «перестройка» в обнимку с гласностью. Скандал был радостно подхвачен литературной общественностью (недругов у Никулькова хватало) и докатился до обкома партии. Начались разборки. Дело, как

бывало ранее в подобных нередких ситуациях, замять не удалось. Не помогли и былые заслуги Анатолия Васильевича, отмеченные, в частности, орденами «Знак Почета» и Дружбы народов. Да и сам Никульков уже не мог находиться под одной крышей с бывшей возлюбленной. И подал заявление об уходе. Что поделаешь — зла бывает любовь!..

В 1987 году Никульков с журналом, которым руководил двенадцать лет, расстался. Он стал последним главным редактором «Сибирских огней» советской эпохи. И, пожалуй, самым успешным. Геннадия Карпунину, принявшему от Никулькова журнал, предстояла тяжкая, прямо-таки бурлацкая доля выволакивать корабль «Сибирских огней» из обезводевшего в одночасье русла СССР к истоку новой России. И уж тут впору было позавидовать не ему, а Никулькову, освободившемуся от такого неподъемного груза. Хотя, положа руку на сердце, я думаю, да что там — просто уверен, что Анатолий Васильевич при его организационных способностях и возможностях, бойцовском характере, авторитете, связях в различных общественных кругах сумел бы журнал удержать на плаву и утвердить его в русле новых реалий. Но случилось то, что случилось...

Отлучение от журнала, безусловно, было сильным ударом для Никулькова. Оказавшись вне привычного круга, он замкнулся, ушел в себя, стал редко появляться на людях, практически перестав быть публичным человеком. Вместе с тем, потеряв редакторское кресло, он по-прежнему оставался писателем и продолжал жить литературой. Чем, собственно, и спасался.

Ну а круг его творческих интересов в ту пору был связан с делами минувших дней. С одной стороны по причине того, что мутная взвесь современной реальности была ему малопонятна и неприятна, а с другой — давала знать о себе душа профессионального историка. В 1990 году Никульков издает сразу две книги: документальную повесть о Н.Г. Гарине-Михайловском «Современник из прошлого века» и повесть о юношах и девушках предвоенной поры «Школьники», которая сначала была напечатана в родных «Сибирских огнях». А в 1999 году появляется его историческое исследование «Взгляд на РСДРП», где Никульков предлагает читателю свой оригинальный взгляд на рождение и становление партии, возглавившей революционное движение в России. Взгляд этот во многом не совпадает и спорит с официальной исторической наукой, но тем он и интересен.

Пытался Никульков заниматься и чем-то вроде редакторской работы — вел, например, литературную страницу в газете «Советская Сибирь». Что, конечно, было совсем не его масштабом и уровнем. И Анатолий Васильевич это прекрасно понимал. Как видел и понимал, что его время прошло, и то, чего он подсознательно всегда боялся, случилось — он оказался на обочине литературной и общественной жизни.

«Придут другие времена — взойдут иные имена...» — писал когда-то один из любимых современных поэтов Никулькова Евгений Евтушенко. И времена эти настали. Одинаково, правда, тяжелые как для уходящих, так и идущих им вослед. С той лишь разницей, что у последних в запасе была еще целая жизнь с надеждами и возможностями их осуществления. Поколению же Никулькова оставалось прозябать, доживая последний срок. Для Анатолия Васильевича, который эпитафией собственной жизни мог бы взять строчку Маяковского «а в нашей буче, боевой, кипучей, и того лучше...» это было настоящей трагедией. Он чувствовал себя вытасченной из воды рыбой. Жизнь теряла смысл. Его поколение стремительно редело. Снаряды падали все ближе. В апреле 2001 года в мир иной ушел его ровесник, многолетний товарищ и соратник Абрам Китайник...

— В последние месяцы Анатолий Васильевич просто не хотел жизнь, — рассказывала мне его вдова Нина Ивановна Никулькова. — Запустил лечение, отказывался встречаться с врачами. Опустил, что называется вожжи. А мог бы и выкарабкаться, и пожить еще...

Мог бы! У Анатолия Васильевича к его восьмидесяти годам оставался немалый еще жизненный ресурс. Да и наследственность в плане долголетия была хорошей — его мама прожила почти 95 лет. Но воля к жизни его самого иссякла...

8 июля 2001 года Анатолия Васильевича Никулькова не стало. Несмотря на июльский зной, в помещении Новосибирского дома актера, где проходила гражданская панихида, было не протолкнуться. Удивляло и согревало, сколько разного народу пришло проводить Никулькова в последний путь. Значит, помнили, не забыли за полтора десятка лет его затворничества.

Но вот уже и с момента похорон минуло более десятка лет. И все реже все упоминается имя Никулькова. А кому-то оно уже и мало что говорит или неизвестно совсем. И это печально. Негоже забывать своих героев и рыцарей. А Анатолий Васильевич Никульков был истинным рыцарем сибирской литературы и славным капитаном «Сибирских огней». Давайте не забывать об этом...